© 2018 г.

К.В. АРАНОВСКИЙ

С.Д. КНЯЗЕВ

КОНСТИТУЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Арановский Константин Викторович – доктор юридических наук, доцент, судья Конституционного Суда РФ (Санкт-Петербург, Россия) (E-mail: aranovsky@ksrf.ru).

Князев Сергей Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (Санкт-Петербург, Россия) (E-mail: knyazev@ksrf.ru).

Aranovsky Konstantin V. – Doctor of Law, associate Professor, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) (E-mail: aranovsky@ksrf.ru).

Knyazev Sergey D. – Doctor of Law, Professor, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) (E-mail: knyazev@ksrf.ru).

Аннотация: состояние и функции безопасности (национальной, государственной и т.д.) авторы представляют в том, как ее исходные основания, цели и средства соотносятся с конституционным правопорядком и предпочтениями участников конституционного образа жизни. Конституция ставит пределы применению принудительных и регулирующих ресурсов, контролирует и ограничивает их рост. В ее стратегии защиты конституционного строя учтены кроме прочих угроз риски избыточной безопасности. Оставаясь в системном расхождении с идеалистическими ожиданиями всеобщей сплошной безопасности, конституционный правопорядок не поддерживает их, ограничивает расточительность и держит охранительные системы, функции и ресурсы в отведенных рамках, подчиняя их своим установлениям и ценностям.

Abstract: the positions and functions of the national, public etc. security are presented in its backgrounds, goals and means related to constitutional order and to the constitutional lifestyle preferences. The Constitution imposes its limits upon the coercive and regulatory resources a constitutional law controls and restricts their growth. The constitutional protection strategy involves the special risks of excessive security and keeps them in view along with other threats. It generally does not support idealistic expectations on the universal security. Constitutional order limits the waste of public resources and keeps a security system subordinated to its institutions and values.

Ключевые слова: конституционное право, конституционная свобода, конституционное общество, безопасность, риски, оппозиция, “иностранцы агенты”, конституционное правосудие, ресурсы принуждения, цена безопасности, пределы безопасности в конституционном правопорядке.

Key words: constitutional right, constitutional freedom, constitutional nation, security, risks, the opposition, “foreign agents”, constitutional justice, the resources of coercion, the price of safety, limits of security under the constitutional order.

Всякая государственность имеет в виду безопасность среди важных целей и дел. В этом смысле безопасность нельзя считать принадлежностью лишь конституционного правопорядка. О ней пекутся любые режимы и больше всех, наверное, системы с тоталитарными наклонностями, где конституцию нужно еще поискать. Скажем, полицейское государство давно изображают как образ правления, где гражданская свобода – едва ли не первая опасность. Таким режимам несложно ради благочиния наводнить войсками и полицией, скажем, несчастную Мьянму, уставить ее духоподъемными золотыми ступами и велеть народу процветать в “дисциплинированной демократии”, как там о ней говорят.

Но вряд ли это в манерах конституционного правопорядка – он, конечно, противостоит терроризму, преступности, незаконной миграции,

военным угрозам, техногенным опасностям и стихиям, но не ставит себя в “кольцо врагов”, проливая потоки репрессии на недругов и предателей. В Америке приснопамятную эпоху красной опасности и охоту на ведьм под началом сенатора Дж. Маккарти не считают вершиной демократии, а скорее видят ее торжество в период “Суда Уоррена”, когда правосудие защищало *privacy* от служб, которым угодно было укоротить личную неприкосновенность и частную свободу во имя национальной, разумеется, безопасности.

В конституционную эстетику вряд ли впишется трогательная “Сказка о Мальчише-Кибальчише”, где каждый “мальчиш” бережет от врага Военную тайну, где кругом “страшная буржуинская Сила”, неравная борьба, измена, но мчится уже на помощь грозная Красная Армия. В этой этике странно звучал бы призыв сделать войну общим

способом жизни, объявить ее по жилищам и семьям и видеть в них угрозу светлomu будущему:

*По фронтам
пулеметами такать -
не в этом
одном
война!
И семей,
и квартир атака
угрожает
не меньше
нам.*

В. Маяковский. "Выволакивайте будущее"

Конституции, конечно, не беззащитны, и на случай острой опасности сами заблаговременно допускают в отношении своих установлений ограничения, позволяя ими задеть капитальные демократические институты. Ввиду войны, беспорядков или бедствий они наращивают права исполнительной власти за счет парламентских прерогатив, откладывают выборы, проводят реквизиции, мобилизации, ограничивают свободу печати, передвижения, собраний. Конечно, всё это они допускают лишь условно и обязательно выражают особые контрольные права парламента, дают ему иммунитет от роспуска, резервируют неприкосновенную часть (ядро) прав и свобод, защищенную от чрезвычайных мер. Такие меры обставлены в конституциях разрешительными процедурами и ограничены в пространстве, по предмету и во времени, чтобы чрезвычайное правление не затянулось во вред конституционному праву и общество не перешло в иной образ жизни.

Когда мир еще не отведал социализма большевиков и национал-социализма, выдающийся государствовед Л. Дюги, определяя "полицейский режим" как исключение в рамках правопорядка, оправданное поддержанием безопасности и спокойствия в публичных местах или общественной гигиены, полагал вместе с тем, что он требует предосторожности против произвола, опасность которого растет, когда административные полномочия власти переходят известные границы. Он считал, что цели и масштабы "полицейского режима" следует лимитировать интересами защиты прав и свобод всех индивидов, но и при соблюдении их режиму этому нельзя выходить за разумные пределы, когда он перестает быть исключением и превращается в обычную государственную практику¹.

"Осажденной крепости" и "лагерю" не до законов и свобод — там каждому положен свой пост

или "шесток", а гражданские права и правила неуместны и малопригодны. Даже вполне конституционному государству на войне и в опасностях трудно держаться в правилах. Оно, пусть и вынужденно, а все же интернирует подозрительных и откладывает свободы в сторону вместе с прочими "украшениями" конституционного права, выводит из действия часть его гарантий и правил. Так, Израиль, оставаясь десятилетиями едва ли не в осаде, чувствует себя, наверное, правым, но отовсюду его осуждают за притеснения свобод, а сами граждане вряд ли уверены в том, что в палестинской автономии во всю силу действует Конституция, а не военно-полицейская сила. С начала 90-х годов, когда мир начинал широко осваивать Интернет и никого еще не насторожила свобода этой коммуникации, Израиль уже подозревал в ней опасность и запрещал связывать компьютеры в Сеть без разрешения. Довольно быстро он остановил свое запрещение, будучи все же конституционной демократией, но сам этот знак качественно отличает бдительный воюющий правопорядок от спокойного и мирного. И американской конституционной репутации не впрок идут акты воинственности и жесткой строгости, тем более что их шумно сопровождают политические и судебные скандалы. Не станем пока обсуждать, что во всем этом правильно или неверно, но заметим сами поводы, которые обнажают непростые отношения между конституцией и мерами повышенной безопасности.

Главное, чем избыточный акцент на безопасности не гармонирует конституционному праву, так это тем, что конституционный образ жизни не только признает и терпит риски, но и системно в них нуждается. В человеке и в обществе нельзя пресекать рискованное, алеаторное, не пресекая заодно развитие и свободу, верховенство права, правосудие, договор и другие основы конституционного правопорядка. В него определено встроена порция непредсказуемости, и пусть не всем это нравится, но если жить его правилами, то безмятежных радостей никому он не гарантирует, а издержки риска к такому образу жизни с необходимостью прилагаются. Человеку, разумеется, не унять в себе влечение к безопасности. Никому он эту свою мечту не отдаст, а будет ею дорожить. И с нею, конечно, он временами верит, будто угрозы и риски можно и вправду упразднить, а безопасной участи и до того иной раз желает, что кажется иногда, будто он сам или власти все уже защитили и почти все наладили. Однако кроме надежды в человеке живет и действует право, рефлексы которого от природы сильнее и умнее,

¹ См.: Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 707–711.

чем фантазии. Оно как будто и не мешает строить в грёзах неверные крепости и в них селиться, но от себя безопасности легковесно не обещает. Взамен слабостям и чаяниям право мобилизует рассудок и решимость, вручает и даже навязывает людям средства и навыки, с которыми человек вернее заметит и поймет угрозы, предупредит и сгладит часть рисков, а когда те исполнятся, то лучше справится с ними.

Конституция существует в обществе, где среди людей, составляющих его влиятельную и решающую часть, принято отвечать за себя, знать долг, полагаться на правила, на договор и на суд с той особой верностью, которую распознают иногда по слову *compliance*, отличая верность праву от лояльности начальству. В этой верности много живого беспокойства, которое не слишком напоминает душевный покой. Такая жизнь требует здравого смысла и осмотрительности, что вносит тревогу, в которой человек, не впадая ни в панику, ни в забытую робость, может удержаться в конституционной свободе, оставаясь в меру решительным и раскованным. Его тревожной ответственности коррелирует, например, страхование, которое простирается в конституционных демократиях на все что угодно, и с которого начинаются, кстати, и продолжают им пенсионное страхование не в пример раздаче государственных пенсий, а также страховая медицина и еще многое, что дорого стоит и кое-что гарантирует, но не по всей, конечно, судьбе человека и не на всю ее глубину. Такая жизнь не только дарит, но и связывает, “поработывает” по-своему граждан ответственной свободой, не дает им уйти под опеку властей и прятаться там от всякого риска. И если знать, что кроме свободы человеку предначертана доля покорности, то чем покоряться начальству за его покровительство и свою беспечность, конституционный человек скорее подчинит себя праву и понадеется на его защиту. Она не отведет, конечно, судьбу, как не отведут ее и власти, но и не отнимет, как они, гражданского достоинства и свободы.

Риск присутствует в конституционной жизни и его не изъять, например, из рынка и предпринимательства, а там — на свободе можно и разориться или упустить хорошую работу. Но пресекая такие риски, пресекают и свободную экономику, а труд закрепощают либо в принудительной занятости, либо в хозяйской власти, которая непременно прилагается к “социальной ответственности бизнеса”. Окутаны рисками собственность и капитал, и, конечно, есть поводы видеть в них вызов социальной безопасности, не доверять им и ставить под подозрение по примеру немецких социалистов.

Те первыми завели в сердце Веймарской конституции: “Собственность обязывает. Владение ею должно быть в то же время служением общему благу” (ст. 153 (3)). Но такая социализация капитала, пусть и не уничтожила собственность, не дошла до колхозов и национализации, но поощряла настроения, которые вели экономику в национал-социализм. У немцев и теперь “собственность обязывает...”, как записано это в ст. 14 (2) Основного закона, и правы они, наверное, в том, что нечто обязывающее всему сопутствует, а злоупотреблять можно всем, даже правосудием, иначе не запрещали бы чрезвычайный и незаконный суд (ст. 101). И в этом смысле можно все держать на подозрении, но в конституционном правовом порядке все же есть свои акценты. Их важно выдержать и в отношении собственности, чтобы социал-охранительные настроения снова не опорочили ее вместе с предпринимательским делом и не сделали их снова предосудительными и более подозрительными, чем, скажем, право на социальную защиту — весьма небезопасную в крайностях.

Непредсказуемы и по-своему небезопасны сменные власти, но если сделать их управляемыми ради общего покоя и тишины, то придется хорошо присматривать за выборами, давать им верное направление к predetermined итогам, пусть это и не совсем уживалось бы с конституционным народным представительством и многопартийностью.

Непредсказуема и оттого временами опасна процессуальная состязательность, потому что в честной тяжбе сама власть и ее подопечные могут многое потерять по суду, когда на кону что-нибудь важное, державное и когда от решения могут пострадать государственные интересы, престиж обвинения или большие деньги. Эти риски можно, конечно, скрасить, но придется поправить независимость правосудия, верно его наставить, например, на борьбу с иностранным влиянием и деструктивной оппозицией, поощрить профискальные настроения против налогоплательщика. Полицейским рапортам и протоколам придется гарантировать в суде такое доверие, а доводам частного лица и адвоката — такую “критическую оценку”, что слово их перестанет что-нибудь стоить против слова полиции. Особо же строго нужно будет вменить уголовному правосудию долг самостоятельного отыскания истины и лучше всего — “абсолютной”, чтобы суд ее добывал рука об руку со следствием и обвинением и умел бы угадать ее государственный смысл в текущей политической линии или у себя прямо в сердце, не забывая подобрать подходящие доказательства и всё обставить процедурами.

А впрочем, и суды не больно нужны, если бы надежную общую безопасность можно было и вправду наладить или просто вообразить. Ведь правосудие тогда и приходит в движение, когда риски исполнились, конфликты случились, состоялись потери и неполадки и нужно что-то исправлять или восстанавливать, присуждать, возмещать и наказывать. В самом деле, когда власти устраивают много национальной, государственной, политической безопасности, а также финансовой, экономической, промышленной, информационной и всевозможной прочей, то у суда и работы поменьше и мало кто полагается на правосудие, а в главном и в мелочах всё решают политики и службы, на которые больше всего тогда и рассчитывают. Вот только конституции без правосудия не бывает, а это значит, что при ней даже в предположении всеобщую безопасность не навести. Конституция не позволяет умиротворять граждан в тихом благочинии, и сами они, пока верны конституции, не подчинятся такому порядку, не отдадут свой суд и всю свою свободу лишь для того, чтобы самим не решать и не рисковать.

Неверные решения везде случаются и бывают небезопасны даже в науке и обучении, когда там царят академическая, педагогическая свобода и университетская автономия. С нею кафедры и лаборатории, учителя и ученики выбирают порой неверные направления, плохо исполняют решенное, рискуют научным успехом, теряют позиции и легкомысленно избирают деканов и ректоров, правда, не хуже, чем если их назначают. И поскольку от этих рисков никому не уйти, с ними и полагалось бы жить. Но образовательное начальство, если ему позволить, поведет себя так, будто именно оно умеет с ними справиться вручную и себе их подчинить. Оно берется смело править зачислением и отчислением, наградами и порицаниями, отменяет факультеты, кафедры и вводит вместо них “школы” и “направления”, да и все остальное решительно переустраивает. Оно наведет, конечно, благополучие с безопасностью, но не в науке или учении, а в приятной о них отчетности по инстанциям с обоснованием предстоящих и состоявшихся расходов.

Опасны, кажется, нестабильностью и беспорядками публичные мероприятия, которые иногда еще и неприятны разногласным шумом и скандалом. Свободы печати, массовой информации, слова и творчества тоже чреватые неумеренным эпатажем, диффамацией и разглашением тайн. Но, как считают, например, в ЕСПЧ, общество и власть не праве “замораживать” эти свободы, обязаны их терпеть даже в “шокирующих” отправлениях

и должны защищать, хотя бы то и казалось вредным и неприемлемым общественному большинству. Пресечь эти риски могут цензура и “свобода рук”, но, конечно, не рыночная *laissez-faire*, а начальственно-полицейская.

Бывает, что и границу для безопасности держат “на замке”, как при советах, которые грозили эмигрантам наказанием за самовольное возвращение, а в 1934 г. ввели в уголовный закон понятие “побег за границу”, пусть и для военных с членами их семей, но все же так, будто граждане из государства не выезжают, а бегут как из-под стражи². В конституционном же правопорядке полагается, не открываясь напрасно в безвизовом режиме для всех иностранцев, в основном поддерживать все же свободу передвижения, особенно граждан. В отношении иностранцев свободу передвижения защитят Конституция и акт конституционного правосудия, чтобы нигериец Э. Увангве, например, мог беспрепятственно выехать из России, когда ему нужно, поскольку законно в ней пребывал, и еще потому, что виза, которую пограничные службы требовали, разрешает въезд, но не запрещает выезд с российской территории³.

В устройстве безопасности конституционная демократия кому-то покажется малоубедительной, не слишком державной и довольно беспечной. Но, может быть, ее спокойное и открытое поведение в отношении рисков лишь кажется неосторожным, а за гражданской свободой, быть может, кроме самодостаточной ценности, есть еще и системные преимущества в поддержании общей безопасности. В самом деле, если не тешить себя обманом, то и простой, недлинный житейский опыт убедит любого в том, что всяческие опасности человеку и человечеству суждены и что совсем от рисков уклониться нельзя, даже если всем стараться и быть всегда начеку. Они в значительной части непременно исполнятся и тогда нужно просто их встретить как следует, попробовать с ними справиться. Опасность лежит в области будущего, которое никогда себя вполне не откроет и от него пришлось бы отречься, укрываясь от рисков. А это — прямая дорога, если не на кладбище, где и вправду никто не рискует, так в тот кладбищенский распорядок, где бездвиженное состояние бессменных властей, отношений и дел дает впечатление безопасности.

² См.: Декрет СНК РСФСР от 3 ноября 1920 г. “О бесхозном имуществе”; ст. 58—1в Уголовного кодекса РСФСР. Введена 20 июля 1934 г. // СУ. 1934. № 30, ст. 173.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. № 4-П.

Ясно и то, что в безопасности нельзя уверенно полагаться на власти, доверяя им полный надзор и поручая собственные риски зоркому государству, чтобы оно их предупредило и гладко, беспечально всё устроило. Земною властью и общими делами ведает не собирательная государственная сверхличность, до бесконечности мудрая и безгрешная, способная все знать наперёд и уберечь от всякой беды. Ею ведают люди, которые хоть и действуют именем государства, но остаются носителями всяческих слабостей, заблуждений, пороков и страхов просто как люди. Каждый в отдельности и все вместе они не в состоянии держать себя в непрерывной бдительности, эмоциональной и умственной бодрости и обеспечивать ими без пропусков безопасное повсюдное благополучие.

К тому же за ними нет верного перевеса во врожденных и воспитанных дарованиях ума, ответственности и долга, притом что власть, и великую, и невзрачную, омрачают искушения, которые совести непричастного к ней человека не вредят, зато оставляют, конечно, след в нравах большого начальства и малых чинов. Если слышать и помнить голоса русской мысли и мирового политического опыта, они скажут много о том, как неверно самозабвенное упование на патерналистскую заботу публичной власти. На слуху, например, у русских то изречение, что государство существует не для устройства рая в земной жизни, а для того, чтобы она до времени не стала адом. И совсем уж резко говорил Р. Рейган: “Правительство не решит наших проблем. Правительство – сама проблема”, и если “оно оставит нас в покое, проблемы эти решатся сами собой”⁴. Вряд ли тут одна лишь риторика, ибо 40-й президент США не на словах пресекал государственное вмешательство в жизнь

граждан и увольнял для этого толпами федеральных чиновников, так что их доля к 1984 г. сошла до 12.3 на тысячу граждан против 13.9, какой она была в 1949 г.⁵ после Ф. Рузвельта. А тот и вправду плодил чиновничество, наращивал государственное регулирование и обещал народу благополучие и защиту. Кстати, социальной безопасности от его “Нового курса” Америка не получила, утешалась лишь пропагандой под лозунги президента и прозябала лет восемь в депрессии, пока Вторая мировая война не дала ей случай восстать и возвыситься⁶. Национальную безопасность в его исполнении сопровождали веером эффективные, но не слишком эффективные, расточительные чрезвычайные меры и отступление от конституционных приличий на выборах, покушения на независимость правосудия с попыткой привести Верховный суд к лояльности с назначением шести новых судей, давление на прессу, партийные чистки и т.п.⁷

Пусть риски свободного человека отнимают много покоя, который дарил бы ему иллюзия защиты, но завышенная безопасность в сравнении с ними куда опаснее, во всяком случае при конституционной демократии. Больше всего она угрожает демократическому правопорядку при концентрации властей, когда те берутся за безопасность все вместе и дружно или возлагают общие решения на кого-нибудь одного. Конечно, соблазнить людей защитой и обнадеежить заботой власти умеют, но они обязательно в чем-нибудь обозначатся, промахнутся и в большом решении их ошибка и произвол обернутся общим несчастьем. Множество малых ошибок при прочих равных условиях не так в итоге вредит, когда время раздает частями каждому его несчастья и неудачи. Это не позволяет им сделаться общей бедой, смягчает их и растворяет всю их сумму в череде разобщенных потерь. Тем и отличаются риски, заключенные во многих решениях, от опасностей одного большого упущения, которое соберет угрозы в накопленную грозу и разрешится разом крупной бедой. Опасности растут и угрожают больше в собранном и направленном действии, мешая людям встретить их врозь, разобраться с ними по частям и, может быть, получить помощь от тех, до кого беда пока не добралась. Понятно, что с иными из рисков можно справиться лишь совместным усилием, но в большей их части нужны не длинная рука властей и общая

⁴ Шлезингер А.М. Циклы американской истории / пер. с англ. П. А. Развина и Е. И. Бухаровой. М., 1992. С. 345. Эту тему американские президенты открыли давно, много раз ее исполняли и временами просто признавались в бессилии правительства, а иногда открыто отказывали властям во вмешательстве в правопорядок и свободу. Восьмой президент Ван-Бюрен говорил Конгрессу, что “все слои населения, похоже, слишком многого ждут от правительства”, а между тем “любые меры правительства, нарушающие обычный порядок вещей во внутренней и внешней торговле, едва ли соответствуют Конституции”; в 1857 г. Дж. Бьюкенен изрек: “Федеральное правительство не в состоянии принять сколь-нибудь эффективные меры против бедствий, периодически обрушивающихся на страну” (см.: там же. С. 335). А в 1978 г. даже демократ Дж. Картер утверждал вопреки традициям своей партии, что “правительство не в состоянии решить наши проблемы: оно не может намечать наши цели и определять наши воззрения. Точно так же правительство не в силах искоренить бедность, гарантировать процветание экономики, снизить инфляцию или спасти наши города” (см.: там же. С. 345).

⁵ См.: там же. С. 353.

⁶ См. об этом: Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию / пер. с англ. А. Плисецкой; под науч. ред. А. Куряева. М., 2012. С. 97–118, 291–299, 59–78, 79–96.

⁷ См.: там же. С. 119 и далее, 231–255, 264 и далее.

мобилизация, а собранность и мобильность самого человека с поддержкой близкого ему окружения. С ними люди берегут себя, здоровье, жилье, имущество, свое положение в обществе и не позволяют себе и ближним своим впасть в социальную беспризорность.

Прочная безопасность под опекой надзирающих властей — соблазнительная, но в общем обманная и опасная выдумка, которая поощряет в человеке больше беспечности, чем он может себе позволить. Она не столько бережет, сколько прячет и откладывает угрозы, которые люди сами бы встретили и вернее бы с ними справились, оставь их без неверной этой надежды.

Так опасны и ненадежны широкие амбициозные системы социальной защиты, когда люди думают спрятаться в них от настоящей жизни и слагают ответственность за себя и за близких на власть, на ее покровительство и денежно-вещевое довольствие. Это питает в людях пустую мечту о неуязвимости и отбирает их веру в себя и в будущее, которое каждому предстоит и принять которое важно с уверенной силой. Так Веймарская республика соблазняла немцев социальным благоденствием, но не справилась и уступила эту миссию национал-социализму, чтобы тот внес в народ солидарность, духоподъемный порыв и социальную безопасность с работой, доходом и даже с отдыхом, а потом привел это все к известному итогу. И в лагере победившего социализма известны катастрофы социальной защиты, которая обратилась общим разорением и унижением миллионов людей, даже гибелью многих. Теперь, подобно социализму, многих влечет государственная служба, в которой видят чуть ли не приют, где будет всё — стол и кров, “соцпакет” и защита. На нее так надеются, будто не разорилась еще недавно Советская страна, изнемогая не в последнюю очередь от служащего многолюдья в партийно-государственном племени, которое она развела, воспитала в бесполезных занятиях, а потом бросила. Даже своих военных предала эта власть, но главное — и после своей кончины оставила множеству граждан горы фальшивых обещаний, на которые России пришлось бы тратить ежегодно по шесть годовых бюджетов и тоже пасть, если б с великим риском она не стряхнула эту социальную бессмыслицу силой знаменитого Закона⁸.

⁸ См.: Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах

Неверна социально-экономическая безопасность и призрачна защита от бедности, когда их обещают вполне устроить силами государства, чтобы оно все наладило и обо всем позаботилось. С таким поручением оно возьмет себе много охранительно-регулирующих прерогатив, но скорее устроит не безопасность, а монополию, господство над имуществом и хозяйственными делами граждан и приберет притом решающую часть производящей, торговой и денежной собственности. С рисками рынка и непослушной собственностью власти решают иной раз покончить, создавая в экономике государственный перевес, отдавая их под контроль, на регулирование и, наконец, под прямое планирование с национализацией. Правда, от такой безопасности пожинаят в итоге тотальное разорение хозяйства и крах государства, именем которого много раз обещали остановить инфляцию, унять разорительные цены и украшали это все подчас вероломными клятвами “лечь на рельсы” или “дать руку на отсечение”.

Развитой социализм, запертый на замок, и все “братские страны”, которые он содержал, не убежились за “железным занавесом”, а государственная безопасность не сложилась даже у таких сильных и развитых служб, включая Штази (нем. Stasi) и КГБ. Подопечные им режимы не очень долго ждали своего последнего часа.

А еще безопасность искали в благолепно-духовном и немного притворном единении народа со своими властями, истребляя под корень для этого диссидентство и оппозицию из того советского, в частности, убеждения, что “духовная свора — врагам опора”. Но и такая безопасность лишь откладывает на время общий взрыв, которого непринужденно избежала бы нормальная конституционная демократия.

Демократия не прячется от столкновений правящих с оппозицией и спокойно разносит их конфликты во времени и пространстве. Она не копит конфликтность и позволяет легально ей течь и разрешаться по заведенным правилам в открытом соревновании партий и фракций, ветвей и уровней власти, в процессуальных состязаниях при независимом суде, а еще в медийном пространстве со скандалами и вышучиванием власть предержащих.

Даже небезопасный радикализм конституционные режимы обычно не слишком преследуют, держат его на виду и даже дают радикалам защиту,

организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”».

пока не уличат экстремиста в преступлении и не заметят в крайностях, которые действительно вредят, угрожают, нарушают закон, а не просто раздражают гражданское большинство. Когда их не гонят в подполье, это выдает не только уверенную силу демократии, но и демократическую стратегию безопасности. Репрессия радикализма не искоренит, зато облечет радикалов в жертвенный героизм и в моральную правоту в их собственном понимании и даже в понимании тех, кто невольно им сочувствует как жертвам репрессии и героям подполья. В подполье они входят в образ борцов и страдальцев, ожесточенных и окутанных нравственным превосходством. Там, под прямым преследованием они всего опаснее, когда им нечего терять, а демократии трудно их вывести на публичный контроль и в гражданскую обыденность. Они там озлоблены и лишены комфорта обычной жизни, который даже недруги демократии ценят, который непременно многих подкупит, так в большинстве они уймутся со временем, обрастая жирком на покое. Эта “техника безопасности” неплохо представлена в конституционном правосудии. Например, Федеральный конституционный суд Германии не считает нужным запрещать даже партию с выраженными признаками неонацизма, когда она маловлиятельна и пока еще не опасна.

Важно и то, что сдержанная безопасность с умеренной подконтрольной репрессией конституционной демократии органична и позволяет ей оставаться собой, не впадая в истерику. Позволь себе демократия увлечься ненавистью и страхами, и они перекинутся незаметно на системную законную оппозицию, которая конституционному правопорядку нужна не меньше, чем правящая власть. В России Конституционный Суд настаивает на том, что оппозиция необходима демократии, и не велит ее “обессиливать”, чтобы в конституционном правопорядке не завелась “монополия власти” – недопустимая в нем⁹ и, добавим, фатально ему опасная. Недаром иные из демократий кое-что приплачивают оппозиционным партиям из бюджета, чтобы те не зачали, пока не доберутся до власти.

Сама структура демократической власти, как и ее динамика не позволяют конституционной государственности отдаться на борьбу с придуманными врагами или агентами-диссидентами. Она просто не сможет отвлечься от главных своих конфликтов и несогласий, которым нет конца, пока держится условное равновесие разнонаправленных сил, и пока они верны общим правилам, при

которых, если им следовать, никому не достанется финальной победы над оппонентами и решающего окончательного господства.

Духовно-нравственные опоры и народную веру тоже не спрятать за той безопасностью, когда боятся чужих идей и конфессий и преследуют их запретами, предвзятым судом и полицией. В состязании с иноверием и с иномыслием коренная вера и убежденная мораль рискуют, но пройдут, наверное, испытание и выстоят, а может и станут крепче, если даже в чем-то уступят и поправят себя. Россия уже угнетала, например, староверие, но только потеряла в преследованиях бездну возможностей, множество сильных и совестливых людей и не укрепила православие этой безмерной ценой, а едва его не потеряла. И католичество в борьбе с протестантами получило не крепкую веру, а религиозные войны, когда, например, Германия вымирала на треть или наполовину в Тридцатилетней войне. И устояло оно не инквизицией и войной, а прежде всего обновлением проповеди и устава, отвагой миссионеров, школами и приютами – лицом к лицу с миром и со всеми его вызовами.

Настоящую веру и мораль нельзя насильственно завести, удержать и принудительно охранять. Они растут в человеке и держатся, лишь если он определился в них и окреп, может быть, вопреки всему, а главное – сам. Идеи, нравы и убеждения существуют исключительно в личности, сколько бы ни было кругом начальства, запретов и поучений, “красных уголков”, партшкол или храмов. Управляемая духовность местами выглядит стройно и благолепно, однако аборт при ней делают по миллиону в год, а сотни тысяч детей оставляют в сиротстве, причем в сиротстве большей частью социальном, когда они изъяты из непригодных для жизни семей или просто брошены, как будто идет война. Конечно, выйти из образа человеческого люди умеют и без начальства, но и от его руководства образ этот не складывается. А уж силами государственной безопасности точно не удержать в населении чахлые верования, когда от них только и осталось, что обмылки народной правды вперемежку с ложью переписанной истории, суевериями, блажными чаяниями и хлипкой душевностью, приправленной чем-нибудь умственным из кантианской либо ильинской или еще какой-нибудь мудрости, по вкусу, чтобы было слегка интеллигентно. Начальство склонно поощрять это всё смазными и строгими благонаставлениями и держать под присмотром, позволяя исполниться на площадях, в залах и по телевизору в актах народного гнева и заносчивости, “минутах ненависти” или в простосердечной радости

⁹ См., напр.: постановления от 17 ноября 1998 г. № 26-П, от 28 февраля 2012 г. № 4-П, от 1 июля 2015 г. № 18-П и др.

с чувствительным умилением, то лихо и забористо, то державно и благочинно. Стороны такого “дискурса” до того иногда себя раззадорят, что начальство и подведомственное население на время даже уверуют во что-нибудь, особенно когда войдут в эйфорическое состояние и с удовольствием немного поживут в предписанной вере, благо что своя мешает, когда человек привык исповедовать ее по начальству. Но все же большей частью, пока не нужно пламенеть наружу и отбивать благочиние вслух, обе стороны безверно и бездуховно живут по своим делам, друг друга знать не желают, опасаются или боятся, а то и презирают. Среди начальства тогда подумают про себя или проговорят между собой что-нибудь вроде того, как говорили в “Борисе Годунове” у А. С. Пушкина:

*Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага...*

На другой стороне тоже насчет начальства есть свои мнения. И так уже бывало, что наступит срок и за такую духовность, за весь порядок и власть толком никто не заступится. Не постояли ни за царя, ни за веру, а едва тот отрекся, как опустели литургии в армии против еще недавнего поголовного благочестия с командирами во главе. И советские граждане не очень долго берегли от поругания коммунистическую веру, отреклись от непогрешимого мудрого руководства партии, не удержали общенародную мораль и не отстояли “родную советскую власть”.

В насаждаемых нравах все непрочно, и в них не растет гражданственность, на которую опирается конституционный правопорядок и от которой, кстати, он получает решающий источник своей безопасности. Без этой гражданской силы не хватит никаких специальных сил, и сами они, конечно, не справятся, например, с терроризмом, если ему не противостоит общественная среда. Так, А. Брейвик никому в Норвегии не стал своим, никого его теракт не вдохновил, как, скажем, их поддерживают в Палестине. И, между прочим, в России, где местами водится оголтелое великодержавие, большей части регионов всерьез не угрожают местные черносотенные и даже красные бомбисты, не в пример иным регионам и странам. Гражданственная демократия сообща отторгает терроризм, однако бережет не только жизни, имущество и публичную власть, но и право, которым не станет рисковать и напрасно жертвовать.

Она не будет бессудно пресекать, например, свободу коммуникации в Интернете и не обрушит репрессии на провайдеров лишь за то, что их открытый ресурс кто-то противоправно использовал¹⁰. И вряд ли она перекроет всему населению Интернет, даже если им пользуются террористы. Они используют и нехитрые средства, например, автомобили, дороги, телефоны, жилища, деньги, письменную и устную речь, даже гайки с подшипниками и скороварки, которые нельзя ни запретить, ни контролировать, как и закрыть Интернет. Чем рисковать свободой и запрещать коммуникацию, демократия будет полагаться на гражданскую силу свободного общества, его богатство, развитую технологию и инфраструктуру, где оно безмерно сильнее, чем терроризм. Конституционная демократия не станет строить всю свою безопасность на принуждающей карательной силе, на тотальной сети охранительных служб и на сплошном запрительстве. Она разумно рискнет и будет бороться не со свободами, а скорее с коррупцией, которая разлагает гражданственность, разуверяет в праве и в способности сопротивляться злу, притом что и террористы ею пользуются время от времени, добывая оружие и откупаясь от полиции, чтобы беспрепятственно исполнить устрашающий акт.

В конституционной демократии неуместно и неприлично бояться иноверия с иномыслием, даже если те неприятны и кому-то в них чудится заговор или влияние злого агента, который водится с подозрительными иностранцами. Конституционный Суд утверждает, что Россия не мыслит себя вне мирового сообщества, поэтому, в частности, иностранное финансирование некоммерческих организаций “не ставит под сомнение их лояльность своему государству”; иное противоречило бы конституционному режиму доверия и ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, которая обязывает государство охранять достоинство

¹⁰ В этом смысле нужно учесть Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П, где Суд наметил позицию, из которой, в частности, следует, что информация в Сети размещается на ресурсах, доступных большому кругу лиц, а это не исключает анонимного их использования в противоправных целях. «Тот факт, что противоправные действия с применением ресурсов сети “Интернет” совершены неизвестным лицом, не отменяет общего принципа, в силу которого ответственность за эти действия несет именно правонарушитель». Возлагать на владельца сайта, который объективно в том ограничен, обязанность проверять правомерность обращения с ресурсами со стороны третьих лиц может привести к отступлению от конституционных гарантий свободы слова; владелец сайта не может отвечать за чужие действия и за их квалификацию, если она не очевидна и нет решения суда, которое обяжет удалить информацию с сайта.

личности и не позволяет его умалять из пугливых подозрений и ненависти. Не все, может быть, с Конституционным Судом согласятся, но он и вправду считает, что статус “организации, выполняющей функции иностранного агента, не предполагает негативной оценки” и “отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности” и “не может восприниматься как проявление недоверия или желания дискредитировать” ее деятельность¹¹. И пусть не каждый поверит, но даже иностранный вид на жительства не делает гражданина подозрительным и не дает оснований отказать ему в праве быть, например, членом избирательной (территориальной) комиссии¹².

Другое дело, что в охранительном энтузиазме титул того же “иноагента” иной раз прилапят как черную метку к организации и сделают ее жертвой подозрительности¹³, отчетности и свирепых проверок. Но, наверное, дело все же не в метке,

а в самом настроении¹⁴ заклеить организацию и человека по любому знаку и поводу и угнетать их потом отчетностью и проверками, от которых многие натерпелись, не только организации с функциями иноагентов. Нагрузка по декларированию иностранных доходов дается им, видимо, нелегко, но вряд ли труднее, чем отчетность и проверки больниц, университетов или акционерных обществ. Впрочем, и здесь Конституция, когда ей не мешают власти и граждане, всем предлагает свою защиту. Тогда Конституционный Суд определит, например, условия и границы надзорных полномочий, чтобы прокуроры умеренно ими пользовались¹⁵.

Говорят, что “глупость – Божий дар, которым не следует злоупотреблять”. Но ведь нельзя запретить всевозможные мраки, обитающие мстами в умах и повадках. Ведь недавно еще поразили не только иностранцев и агентов, но и полицию, как и безобидного теперь фискала принимали за карателей или доносчиков. Даже неприязненное, нападающее выражение “мент” понемногу теряет прежние смыслы и входит в обычную речь в грубоватых, правда, но иногда и в одобрительных смысловых оттенках, когда скажут, к примеру, “честный мент”, имея в виду приличного человека достойной профессии,

¹¹ См. об этом: постановления Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П, от 22 июня 2010 г. № 14-П.

¹² См. об этом: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 г. № 14-П.

¹³ Заметим, что в трактовке “иностранного агента” участники известного дела (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П) держались несколько врозь. На стороне “законодателя”, понятно, отрицали в этом звании “злые” смыслы, а от Совета Федерации даже его хвалили и примеряли на себя. Но и заявители говорили врозь. Один их представитель не нашел в “иноагенте” худого, а другой считал иначе, но на вопрос о том в Суде не отвечал, поскольку отлучился и, кажется, объяснялся в то время с прессой. Еще один, убеждая Суд в шпионском значении иноагента, ссылаясь на толковые словари советского происхождения, где даже свежие редакции не всё, конечно, оосвременили. Конституционное правосудие признает презумпцию конституционности закона, которую не опровергнуть лишь мнениями и оценками, тем более, когда те расходятся. Ни заявители, ни “друзья правосудия” (*amicus curiae*) не вручили Суду материалов исследования о том, что языковая среда удержала советскую семантику в словах “иностранный”, “агент” и в их сочетании. Они не предъявили профессионально изученных контекстов и ситуаций, чтобы в проверяемых фактах доказать в них дискредитирующие коннотации. Стороны не просили назначить семантико-лингвистическую, например, экспертизу, чтобы выяснить актуальные смыслы в “конструкции некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента”, ее тяготение к сокращению до “иностранного агента” или “иноагента” и правонарушающий итоговый эффект. Не было и социологии. Кто-то скажет, что Суд мог и сам назначить исследования, но при состязательности стороны все же сами должны обеспечивать свои позиции по крайней мере в части фактов или просить Суд о содействии в доказывании. Социология и семантика закона относятся к фактам, которые конституционное правосудие вправе оценивать, не конкурируя с иными отраслями юстиции, но Суд не обязан возмещать процессуальные упущения сторон и отклоняться от состязательности.

¹⁴ На опросе, который 3–4 июня 2017 г. провел Всероссийский центр изучения общественного мнения, 52% респондентов отказали в патриотизме тем, кто работает в НКО с функциями иностранного агента. Это своего рода социальный факт, а не просто мнение. Он позволяет себя оценивать и дает, может быть, поводы сопоставить условный знак иноагента с плотностью негативного отношения к законопослушным НКО в этом статусе. Принимая Постановление № 10-П, Конституционный Суд РФ вряд ли мог на 8 апреля 2014 г. подобные материалы получить в открытых источниках, хотя несколько позже, в 2014 г., ВЦИОМ получил такие же результаты опроса об отношении к организациям в статусе иностранного агента (см.: Пресс-выпуск ВЦИОМ от 9 июня 2017 г. № 3393 // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116266>).

¹⁵ См. об этом: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 6, п. 2 ст. 21 и п. 1 ст. 22 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений “Агора”, межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр “Мемориал”», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам “Гражданское содействие”, автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг “Забайкальский правозащитный центр”, регионального общественного фонда “Международный стандарт” в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной.

подобно американскому “копу”, где фамильярность осталась, но уж нет предрешенного порицания. А с другой стороны, и еврейство, подобно иностранцам и агентам, до сих пор кому-то кажется подозрительным и враждебным. Но не носить же за собой драгоценные эти древности лишь оттого, что их все еще кто-то носит.

Российская Конституция не может им следовать и не будет, но общей веры всем не навяжешь, и не всё можно сразу устроить. А до поры она предлагает гражданам и властям не дичать в “священной ненависти” или страхе, не искать всюду руку агента или врага и быть достойными своей Конституции. Тем, кому очень уж трудно, конституционное право оставляет, конечно, свободу слова и мнения, но опасные влечения велит держать при себе и запрещает их во всяком случае исполнять в агрессивном беззаконии, утешая непристойные наклонности на случайных или отобранных жертвах. С такими нравами и повадками нужно, конечно, считаться, когда они мешают Конституции, омрачают и ставят под сомнение правовое демократическое будущее и чернят конституционную нацию.

Эта нация не может, конечно, быть однородной и даже в идеале не поддерживает всеобщее морально-политическое единение. Она не позволит своим властям угнетать в человеке его этический и психический строй, навязывать всем согласие в ценностях, и в ней поэтому непременно участвуют носители разных идей и влечений, из которых не все сочувствуют конституционной демократии. Но чтобы этой нации состояться и оставаться собой, все же необходимо бодрое присутствие множества дельных людей, которым конституционный правопорядок нужен как образ жизни, где можно исполнять наклонности и поддерживать убеждения, сообразные конституционному праву. Этим людям не обязательно все время себя подавать в численном перевесе, если их влиятельное присутствие позволяет удерживать конституционную жизнь и перспективу. И российская перспектива небезнадежна, а недавний опрос ВЦИОМ регистрировал в гражданских настроениях очередное небольшое смещение от ксенофобии к здравомыслию. Во многих согражданах понемногу падает подозрительность к тем, кто знается с иностранцами, а в патриотизме чаще отказывают не чужакам и оппозиции, а взяточникам¹⁶, от которых и вправду исходит угроза конституционному строю.

¹⁶ См.: Пресс-выпуск ВЦИОМ от 9 июня 2017 г. № 3393.

В устройстве безопасности следует отдельно учесть, что угрозы и страхи, гнев и ненависть — давно испытанные и верные средства оправдать притеснения прав, принуждение и насилие. Добавим, что службы, которые больше всего заняты безопасностью, по необходимости сами остаются в прямом сообщении с такими источниками опасности, как преступность, нелегальная миграция, незаконный оборот наркотиков и т.п., где бесправие и насилие в порядке вещей. Им временами приходится поневоле или намеренно вовлекаться в манеры этой среды и отчасти их осваивать. К тому же иным из них доступны опасные средства насилия, право наказывать, пресекать, и с этим ресурсом они обрастают небезопасными навыками. Нужно много самообладания и в то же время внимания граждан, чтобы законная сила не перешла границ, за которыми даже невинный, казалось бы, налоговый контроль из “необходимого инструмента” становится “инструментом подавления экономической самостоятельности, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности”, как предупреждает о том Конституционный Суд РФ¹⁷.

В служении безопасности важно не войти во вкус, когда твердая решительность от долгого в ней пребывания обращается в насущную нужду или даже перерастает в сладострастную жестокость. Испытание такими искушениями не проходит бесследно и налагает печать угрозы на тех, кому поручено справляться с опасностями. Такие угрозы исполняются иногда чаще в малоизвестных и обыденных, а то и в громких происшествиях. По одному из них Президент РФ заметил в интервью после “прямой линии”, что “нет ничего умного в том”, чтобы на выемку документов или на обыск “заявляться в театр или в бухгалтерию с силовой поддержкой”, что это “просто нелепо”, но такая поддержка “применяется сплошь и рядом там, где этого совершенно не нужно делать”¹⁸. Похоже, однако, на то, что служители безопасности полюбили устрашающий вид вооруженной силы, укрытой под масками и замаскированной в грозную камуфляжную броню. Такая внешность и манеры до того, наверное,

¹⁷ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 14-П.

¹⁸ Калюков Е., Филипенко А. Путин назвал нелепой силовую операцию в “Гоголь-центре” // URL: <http://www.rbc.ru/society/15/06/2017/594290ac9a79475614853011>; Федеральное агентство новостей, релиз от 15 июня 2017 г. // URL: <http://riafan.ru/824279-putin-o-situacii-s-gogol-centrom-nелепо-zayavlyatsya-v-teatr-s-silovoi-podderzhkoi>

полюбились, что без них выйти в люди уже неуютно и непочетно.

Но конституционному правопорядку это всё, разумеется, небезвредно. В нем силы и системы безопасности, средства принуждения, акты их применения и поведение силовых служб нужно учитывать как отдельную угрозу и держать на виду у граждан и под судебным контролем. Даже в законных рамках они стесняют личность и вторгаются в права и свободы человека — первостепенную ценность конституционного права. Оттого этот уклад и не может себе позволить чрезмерную безопасность; потому в конституционном правопорядке и не имеет силы невесть откуда взявшийся мнительный афоризм о том, что “безопасности много не бывает”.

Отдельно учтем, что безопасность обходится дорого, а приобретения дает всегда с попутными злоупотреблениями или упущениями, и нация вела бы себя расточительно, если бы всеми средствами и силами добивалась в ней совершенства без пропусков и погрешностей. Скажем, сплошной техосмотр автомобилей давал в свое время главным образом коррупцию, бессмысленную власть множества людей и пустое их оплачиваемое безделье, так что с его отменой и передачей на поруки страховщикам безопасности на дорогах уж точно не стало меньше, зато стало меньше разврата среди властей и людей.

Ради неверной мечты о такой безопасности конституционный народ не может отвлекать от настоящей жизни свои ресурсы, силы и отдавать их властям, чтобы те свободно их расточали. Ведь они не просто всё израсходуют (может быть, даже честно), но еще и повсюду вмешаются и всех свяжут строгостями и ограничениями сообразно собственной бдительности. Народ в них запутается и обездвижит себя в экономике, науке, образовании, электронной коммуникации, медицине и во многом еще, потеряет позиции и уступит свободным нациям, которых начальство не опекает и не поучает. Позволяя так себе тратиться и стеснять себя так, нация входит в самый опасный свой, видимо, риск — выпасть из руслу истории и чахнуть на задворках мира.

В конституционной обстановке народ не может себе позволить жить мрачной ненавистью, подозрениями и страхами, драматизировать вражду в сложном сплетении чужих и собственных интересов, красить ее фантазиями о душевной дружбе с неверными союзниками и упускать в итоге свои перспективы и выгоды. И поскольку конституционная нация живет не в социализме, ей нельзя отвлекаться от гражданской

подозрительности к поведению своих властей — конституционный правопорядок обязывает власть следовать презумпции невиновности, презюмировать добросовестность в налогоплательщике или в участнике гражданского оборота, но не покрывает презумпцией безгрешности ее носителей. В части фидуциарных (доверяющих) обязанностей конституционное право не поддерживает равенства между властями и гражданами. Оно обязывает, конечно, следовать принципу поддержания доверия к закону и действиям властей, но вменяет его лишь публичной власти, а не гражданам, чтобы те безоглядно ей доверяли. Недостаток фидуциарного ресурса и просто эстетика мешают носителям власти выдавать себя за воспитателей подведомственного населения и настаивать на прерогативах учителя. Оставаясь на подозрении, они ведут себя бодрее и более уважительно к правилам и обязательствам, а в претензиях и решениях — более осторожно и сдержанно. Это отнимает у них свободу в ограничении прав граждан и в распоряжении их общими средствами на нужды безопасности.

И хотя конституционной нации нужен запас подозрительности, чтобы не оставить власти свои без надзора, ей нельзя, вместе с тем, подозревая всех и враждуя, отдать себя всю на борьбу и удариться в алармизм (общую тревогу), вручая себя начальству под защиту и под командование. Так мнительные люди тщетно бьются с микробами, не выходя из аптек и больниц, жалуются врачам и начальству, но остаются без настоящей защиты и не могут спрятаться от инфекций и прочих болезней. Между тем в состоянии здоровья больше всего участвуют обыденная гигиена, распорядок личной жизни, просвещение и умеренные контакты с медициной, тогда как в долгое лечение люди входят лишь временами, не сразу все и не так часто, как моют руки и чистят зубы. А общий карантин под началом властей и подавно им нужен лишь иногда и в крайностях. Вообще же в опасной заразе участвует не только инфекция, но и сам организм с иммунитетом его и поведением в среде. От них и зависит, болеть или нет, как пройти заболевание и с какими последствиями. А это и есть само здоровье, которого не нажить и не сберечь под надзором в боксе или в камере, его не прибавит от бдительности участливых властей. Иногда замечают, что от такого участия прибывает не столько хорошего самочувствия, сколько опеки над “обывателями”

и совсем не на пользу достоинству и конституционным свободам граждан¹⁹.

И в информационном здоровье благополучие общества создает в основном не надзор, а прогресс коммуникации со всеми попутными рисками и нехитрые обыденные средства со здравомыслием людей, без которого публичная безопасность бессильна, если сами они забудут о резервном копировании, фильтрах и антивирусах, не совладают с собой и не присмотрят за поведением своих детей в сетях и на девайсах.

¹⁹ Так, М. В. Пресняков замечает «тенденцию к принятию “громких” законов, призванных позаботиться о здоровье нации», о нравах и демографии в борьбе с алкоголизмом. “Такая забота подкупает обывателя”, но плохо гармонирует, в частности, с равноправием, особенно если за дело берутся местные начальства, и отклоняется от конституционных установлений о свободах и правах, включая право на достоинство, свободу предпринимательства и др., как и от здравого смысла (см.: *Пресняков М. В.* Здоровье нации и проблема ограничения конституционных прав человека и гражданина в современном законодательстве // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 10. С. 23–27). От себя добавим, что в борьбе за здоровье и укрепление добрых нравов властям обычно удавались не столько победы, сколько “побочные” последствия. Они известны, скажем, во вспышках кокаинизма и морфинизма после “сухого закона”, без которых не обошлось и в России, и не без них, заметим, прибывало революционного энтузиазма в матросах Гельсингфорса или Кронштадта, которым казалось вдруг забавным бесноваться на Якорной площади и десятками там убивать офицеров, а потом – тысячами людей из прочих сословий. Из американского “сухого закона” вышли бутлегерство и мощная мафия, которая пережила его. Спорные победы советской власти во всенародном антиалкогольном оздоровлении тоже известны.

Так и в конституционном выборе, когда и вправду он состоялся, нельзя жить на свободе и во всем полагаться на сплошную безопасность под непрерывным государственным попечением. Безопасность не довлеет в конституционном порядке, но обслуживает его и знает место, а тот ставит ее в правовые контексты. Например, из ч. 5 ст. 13 Конституции РФ прямо следует запрет объединений, цели которых и действия направлены к насильственному изменению основ конституционного строя и, конечно, нарушению территориальной целостности и подрыву безопасности государства. Но такие положения сопрягаются прежде всего с конституционными ст. 1 и 2, т.е. действуют не иначе как вместе с установлениями о правовом государстве и о высшей ценности прав и свобод человека и гражданина. К ним примыкает и ст. 18, которая вмещает конституционный смысл всем видам властей по всему спектру их деятельности, включая безопасность, из чего следует, что она тогда лишь оправданна, когда служит правам и свободам, защищенным правосудием. Безопасность учтена и среди конституционных оснований ограничения прав и свобод, в том числе в режимах чрезвычайного и военного положения. Но даже там она состоятельна лишь при условии и до тех только пор, пока совместима со свободой, демократией, парламентаризмом и другими конституционными ценностями и пока защитные меры уложены в рамки процессуального и материально-конституционного права и здравого смысла.